

В определении нарушений языковых норм нередко руководствуются только соображениями ложно понимаемого «здравого смысла». Примером этого могут служить рассуждения ряда авторов об употреблении некоторых новых предлогов (благодаря, в силу, в деле и др.).

Уже в XIX веке употребление предлога *благодаря* для указания на причину, вызывающую отрицательное («нежелательное») следствие, подвергалось самому жесткому осуждению со стороны тех «блюстителей чистоты» русской речи, нормативные указания которых опирались не на изучение внутренних закономерностей развития языка, а только на соображения здравого смысла. В 70-е годы XIX века И. М. Колячич писал: «Согласно смыслу глагола, от которого это предложное наречие [*благодаря*] производится, постановка его возможна только в таких выражениях, которые заключают в себе значение нравственное, хорошее, а между тем в печати попадает оно в таких оборотах речи, как: *благодаря моровой язве, благодаря зверству турок и т. д.*» (И. М. Колячич. Неправильности в выражениях, допускаемых в современной печати. — «Филологические записки», 1877, вып. 1, стр. 2). Солидаризируясь с И. М. Колячичем, редакция журнала, опубликовавшего его статью, сокрушенно отмечает, что в таком «совершенно ложном, не соответствующем здравому смыслу значении обороты с предлогом *благодаря* вошли во всеобщее употребление».

Позднее (в 80-е годы) такое употребление предлога *благодаря* также рассматривалось как «издевательство над здравым смыслом», как «стоящее в грубом противоречии с логикой понятий» (А. Б. Отчего? Зачем? и Почему? Оскуднение и искажение русской речи. Наблюдения А. Б. СПб., 1889, стр. 26).

Теми же соображениями руководствуется и большинство авторов и

составителей словарей русского языка нашего времени. Согласно их рекомендациям предлог *благодаря* следует употреблять только в таких предложениях, где «есть указание на какое-то полученное благо, на какой-то положительный результат» (М. Презент. Заметки редактора. Л., 1933, стр. 84), где речь идет «о причинах, вызывающих желательный результат» («Толковый словарь русского языка». Под редакцией Д. Н. Ушакова).

Между тем объективное изучение семантической истории предлога *благодаря* убеждает в том, что его употребление для указания на отрицательное следствие вполне закономерно. Известно, что в процессе образования предлога *благодаря* (конец XVIII — начало XIX века) лексическое значение («выражая благодарность») в нем утрачивается, хотя и не бесследно: этот предлог служит для указания на причину наиболее «благоприятствующую», т. е. наиболее способную вызвать данное следствие. Но с логической точки зрения это следствие совсем не обязательно должно быть «желательным».

Примеры употребления предлога *благодаря* показывают, что чаще всего он использовался и используется как раз для указания на причину, наиболее способную вызвать отрицательное следствие. Такое употребление было широко распространено с «первых же дней» существования этого предлога (ср.: «Помещики благодаря этой роскоши стали тряпки, а не люди». — Гоголь. Мертвые души). В дальнейшем намечается «тенденция увеличения веса нейтральных и отрицательных причин за счет положительных» (см: А. М. Финкель. Производные причинные предлоги в современном русском литературном языке. Харьков, 1962, стр. 207. По его подсчетам «положительные причины в XIX веке составляли 29 процентов, а в XX веке — лишь 18). Ср.: «Благодаря земству школа за-

крылась». Плеханов; «Благодаря дождям хлеб пропадает». Чехов; и мн. др. Именно в подобных случаях обнаруживается наибольшая степень сближения слова *благодаря* с «настоящими», предложениями: *благодаря* здесь выступает уже как омоним одноименного деепричастия, что находит выражение и в различии форм их сочетаемости (предлог *благодаря* — с дательным падежом, деепричастие — с винительным падежом).

Аналогичная тенденция наблюдается и при оценке употребления предлогов *ввиду*, *в деле*, *в силу*.

Предлог *ввиду*, служащий для указания на то, что причина мыслится как нечто предстоящее, что должно быть учтено и принято во внимание, был малоупотребителен и в период возникновения (60-е годы XIX века) и позднее. Примеры типа: «Крутиков, ввиду скорой свадьбы, взял отпуск...» (Степняк-Кравчинский. Домик на Волге) встречаются очень редко. В другом же значении, близком к значению причинного *вследствие*, этот предлог получил самое широкое распространение (статистические данные по этому вопросу см. в указанной книге А. М. Финкеля, стр. 179). Вот несколько из множества возможных иллюстраций: «Этот закон постоянно обходится ввиду его непрактичности» (Чехов. Остров Сахалин); «Ввиду нехватки тягла он передал своих выездных лошадей... в полеводческую бригаду...» (Бабаевский. Кавалер Золотой звезды); «Остальные агрегаты ввиду износа уже несколько раз заменялись» (Рыбаков. Водители).

В подобных случаях обороты с предлогом *ввиду* выражают причину вне ее отнесенности к плану будущего: здесь *ввиду* выступает в контексте, указывающем на отнесенность действия и к настоящему (ввиду нехватки тягла), и к прошлому (ввиду износа), и во вневременной план (ввиду его непрактичности).

Между тем это наиболее «предложное» и наиболее распространенное употребление *ввиду* в нормативных указаниях нашего времени определяется как неправильное. Например, в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова читаем: «*Ввиду*, предлог. По причине, принимая во внимание (что-

нибудь предстоящее). *Ввиду предстоящих морозов надо запастись дровами.* Употребляется неправильно вообще в значении „вследствие“ не только о предстоящем, например, „Ввиду болезни не работал два дня“»

Некоторые ученые считают «неудачными встречающимися в газетах выражения вроде „В силу отсутствия запасных частей ремонт прекратился“, ибо «какая сила может быть у „отсутствия“ предмета!» (Н. Н. Никольский. Служебные слова. М., 1947, стр. 7).

Известно, однако, что предлог *в силу*, возникший в деловой письменности XVIII века, выступал в значении «на основании». Это значение развилось под влиянием причинных сочетаний типа *по силе*, *за силою*, *силою* в соединении с зависимым словом, обозначающим юридический документ (закон, указ, постановление и т. д.). С 40-х годов XIX века слово *сила* укрепляется в научно-публицистической речи в более отвлеченном значении — «нечто, порождающее движение, деятельность». Поэтому становится возможным и соединение предлога *в силу* с зависимыми отвлеченными существительными, в том числе и отглагольными, в результате чего значение самого этого предлога получает большую обобщенность — «вследствие». Поэтому с грамматической точки зрения выражение *в силу отсутствия* безусловно, хотя стилистически здесь более уместным было бы *вследствие*.

М. Презент ополчается против употребления предлога *в деле*. В примерах типа «роль Государственного банка в деле развития социалистического хозяйства» странно «заключается в том, что слово *дело* в сочетании со словом *развитие* звучит нелепо, ибо получается два раза *дело*, нечто вроде хлеба с хлебом» («Заметки редактора», стр. 54).

Автору, по-видимому, неизвестно, что в своем основном значении «работа, занятие, деятельность» слово *дело* сочетается только с личными (дело отцов), а также с такими отвлеченными существительными, которые не имеют или уже утратили значение действия (дело литературы, дело просвещения). В других случаях, например в сочетании с

отглагольными именами, обозначающими действие, знаменательность слова *дело* ослабляется, оно «теряет свое самостоятельное значение, сохраняя за собой только смысл, звуча в данном словосочетании»; поэтому становится возможным «переход существительного в служебные части речи» (А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1941, стр. 458). А значит в *деле развития* звучит вполне «дело» и никаких «двух дел» здесь не получается. Конечно, в этом случае возможно и сочетание предлога *в* с винительным падежом (в развитии). Однако эти однотипные конструкции не равнозначны: в конструкциях типа *заслуги в деле развития науки* в отличие от конструкций типа *заслуги в развитии науки* содержится подчеркнутое указание на особую действительность процессуального признака, заключенного в объекте, названном зависимым именем.

Таким образом, становится совершенно очевидным, что для решения вопроса о правомерности того или иного употребления слова одного здравого смысла более чем недостаточно. Здесь прежде всего нужно знание истории того слова, о котором суждешь, знание путей и способов его образования и т. д. А всевозможные субъективистские оценки и рекомендации не только не имеют ничего общего с нормой литературного языка, определяемой на строго научной основе, но и совершенно бесплодны: «запрещенные» обороты не только укрепляются в системе русского литературного языка, но и активно развиваются.

Обсуждая употребление того или иного слова, якобы нарушающее стилистические нормы, нередко ссылаются на «порочность» его происхождения («канцелярское», «приказное» и т. д.). Конечно, происхождение слова влияет на его дальнейшее употребление и стилистическую окраску. Так, предлог *на предмет*, зародившийся в недрах официально-деловых стилей, так и не вышедший за их пределы, сохраняет яркий отпечаток этих стилей. Однако отсюда вовсе не следует, что происхождение слова можно не отграничивать от современного его употребления.

Смещения такого рода могут при-

вести к ошибкам в стилистической оценке слова. Например, М. Презент, отметив, что «большинство засорений языка зависит от некритического перенесения слов и понятий, раньше сосредоточенных главным образом в прежнем канцелярском языке, так называемом „деловом языке“, который в старой России был обособлен от остальной литературы» (стр. 22), к числу такого рода «засорений» («канцеляризм») относит и предлоги *в деле, по линии*.

В действительности эти предлоги, если можно так выразиться, самого «благородного» происхождения — *в деле* формируется в научно-публицистической речи 60-х годов XIX века (особое пристрастие к этому предлогу обнаруживается у И. Н. Сеченова): «Председрия... суть регуляторы в деле наполнения желудочков кровью» (Физиологические очерки) и «Путь этот представляется... наиболее плодотворным в деле решения вопроса об сущности нервного возбуждения» («Физиология нервной системы»); «Усердие царских опричников не ослабевает в деле выискивания новых жертв» (Плеханов. Французское правосудие и русское шпионство) и мн. др. В XX веке, и особенно в советский период, употребительность этого предлога возрастает главным образом в публицистике. Отсюда он проникает и в современную деловую письменность и именно здесь находит наиболее широкое, нередко совсем неуместное, употребление. Это и послужило поводом для нападок на обороты с предлогом *в деле*. Суждения, перекликающиеся с мнением М. Презента, имели место и позднее. Например, Р. А. Будагов обороты типа *в деле изучения видов глагола* относит к «тавтологическим», так как в этом случае «изучение грамматической категории вида представляется как особое дело» («Вопросы культуры речи». Вып. 2. М., 1959, стр. 5).

«Совершенно невозможное и никому ненужное выражение *по линии*», как считает М. Презент, «пришло из канцелярий, из административного аппарата, где схема с начерченными линиями соединения играет свою роль» (стр. 23, 27). В действительности первоисточником употребления оборотов с предлогом *по линии* были устные и письменные вы-

ступления политических и общественных деятелей 30-х годов нашего века. Вот некоторые из наиболее ранних примеров: «До настоящего времени развитие сельского хозяйства шло главным образом по линии развития индивидуальных хозяйств» (М. И. Калинин. Задачи развития сельского хозяйства на путях коллективизации.— 1929 год); «Мы перестраиваем наши профсоюзы по линии обеспечения наиболее дифференцированного и наиболее детального руководства работой» (С. М. Киров. К новым боям и победам.— 1931 год).

У настоящих мастеров слова все элементы языка, в том числе и новые предлоги (по линии, в деле, ввиду, путем, в связи с — и т. п.) всегда «у места». В повседневной речи, и особенно в объявлениях, примеров, звучащих почти как курьез, более чем достаточно: «У нас обувь продается путем самостоятельного отбора покупателем» (объявление в московском магазине «Обувь», № 7

8 марта 1961); «С 23 часов до 06 часов дежурную вызывать путем нажатия кнопки» (объявление в здании Ферганского телеграфа. — «Известия», 19 февраля 1962); «В связи с отсутствием зимой насекомых летучие мыши выдают в сиячку» (пример из статьи А. Ивича «Что написано топором». — «Известия», 21 ноября 1960); «Замусоривание квартиры в лице сухого коровьего навоза» (цитата из заявления ябедника. — «Известия», 9 августа 1962); «По линии огурцов дело обстоит благополучно» (цитата из газеты. — И. Ильф. Записные книжки).

Место рассматриваемых здесь новых предлогов в системе русского языка определяется прежде всего их назначением — служить средством формирования и выражения мысли в определенных жанрах и стилях книжной речи (деловая письменность, научная и публицистическая литература). Стилистическая окраска, первоначально присущая некоторым из этих слов (например, в си-

4

Звуки и буквы в школьном учебнике

Письмо в редакцию

В четвертом номере журнала «Русская речь» за 1967 г. опубликована статья Н. А. Еськовой «Звуки и буквы», в которой говорится о многих недоразумениях, связанных с неразличением букв и звуков. К сожалению, это неразличение встречается и в некоторых формулировках «Учебника русского языка для восьмилетней школы. Ч. 1» С. Г. Бархударова и С. Е. Крючкова, вышедшего в издательстве «Просвещение» в 1967 г. 15-м изданием.

Рассмотрим теоретическую часть § 33: «Вместо *и* после приставок, которые оканчиваются на согласный звук, произносится и пишется *ы*». Произносится звук, а пишется буква. При формулировке «произносится и пишется *ы*» разница между звуком и буквой для ученика несколько стирается.

Более точно это правило записано в «Пособии для занятий по русскому языку в старших классах средней школы», составленном В. Ф. Грековым, С. Е. Крючковым, Л. А. Чешко (М., 1963): «После приставок, оканчивающихся на согласный, вместо *и* пишется *ы* согласно произношению».

лу), обусловлена их происхождением и преимущественным употреблением в этих стилях речи. Известно, однако, что разные стили речи по выполняемым ими общественным функциям и по их социальной значимости неравноценны и что соотношение между ними исторически изменчиво. Процесс перераспределения функций и взаимовлияния между деловой и научно-публицистической речью, начавшийся в XIX веке, особенно активизируется в наше время, в эпоху советской демократии (роль деловой речи ослабевает, а влияние на общелитературное употребление речи научно-публицистической усиливается). В связи с этим новые предлоги, возникшие и первоначально употреблявшиеся преимущественно в научно-публицистических жанрах и стилях, легче проникают в литературный язык, «авторитетность» этих стилей особенно возросшая в наше время, в состоянии сделать авторитетными и эти новообразования. Употребительность их не ограничивается какой-либо узкой сферой, отсюда тенденция к ослаблению их стилистической окра-

женности в пределах литературной нормы.

Поэтому вопрос о нормативности употребления рассмотренных нами предлогов нужно изучать в особом плане — в плане стилистической дифференциации, опирающейся на назначение данного высказывания: необходимые и уместные в высказываниях научного и вообще научно-логизированного характера и в этих пределах стилистически нейтральные, такие слова в речи эмоциональной и художественно-образительной выступают как чужеродный элемент, а потому и редко находят там применение (само собою разумеется, что речь идет о стилистически не мотивированном употреблении). Это, однако, не означает, что они вообще чужды художественной речи: удачное их применение находим у мастеров художественного слова с тонко развитым чувством нового в языке (например, у И. С. Тургенева).

Доктор филологических наук
Е. Т. ЧЕРКАСОВА

В § 24 Учебника читаем: «Чтобы не ошибиться в правописании (!) согласного звука в корне, слово надо изменить так, чтобы после этого звука был гласный, например: мороз — морозы». Здесь, в понимании учащихся, говорится о написании согласного звука, а звук не пишется.

Весьма непонятны для учащихся и традиционные формулировки «пишется одно *н*» (§ 136, 145), «пишется два *н*» (§ 145). § 3 Учебника дает следующее основное различие между звуками и буквами: «Звуки мы слышим и произносим; буквы мы видим и пишем». Поэтому для школьного учебника предпочтительнее, на наш взгляд, формулировка: «пишется одна буква *н*».

К некоторым упражнениям Учебника даются такие задания, которые в конечном счете приводят учащихся к смешению звуков и букв: «Перепишите, заменяя множественное число единственным и подчеркивая шипящие с буквой *ь* одной чертой, а без этой буквы — двумя чертами» (упражнение № 90). Но в § 6 читаем: «Звуки *ж, ш, ч, щ* называются шипящими». Следовательно, в упражнении ученику предлагается подчеркнуть звуки!

Такое же требование находим и в задании к упражнению № 84: «Перепишите... Укажите, в каких словах на конце стоят мягкие согласные, а в каких — твердые. Первые подчеркните од-